

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С СЕНАТОРАМИ США

3 сентября 1985 года

ГОРБАЧЕВ. Уважаемые господа, страна наша огромна и разнообразна. Страна большая – и проблемы у нее большие. Поэтому мы вас, американцев, понимаем, и вы должны лучше нас понимать. Приветствую вас, рад познакомиться и побеседовать.

Отношения между Конгрессом США и Верховным Советом СССР оказались наиболее живучими. Ведь в целом за последние пять-шесть лет не удалось не только двинуть вперед наши отношения, но они даже в чем-то свернулись. Год-два началось некоторое оживление. Но канал связи Конгресса и Верховного Совета оживился, преуспевает. Это важно. Порвать отношения было бы шагом не только далеким от мудрости, но безответственным. Об этом я сказал в интервью «Тайму». Наверно, связи парламентов прочны, потому что нам хватило терпения.

Несколько месяцев назад я беседовал с конгрессменом О'Нилом. Сказал ему: у советского руководства есть политическая воля, чтобы нормализовать и улучшить наши отношения. Мы готовы действовать. Но поскольку отношения – вопрос двусторонний, успех зависит от обеих сторон. Хочу повторить: в нашей позиции с тех пор ничего не изменилось. Советское руководство уверено, что, несмотря на глубокие различия, которые существуют между нами, – различия в оценках положения, – мы не можем позволить себе довести наши отношения до конфронтации. Сама логика истории так распорядилась, что СССР и США – самые крупные государства с огромным экономическим и военным потенциалом. Они не могут смотреть на будущее своих отношений иначе, как в рамках какого-то сотрудничества. Иной подход был бы недальновидным, не соответствовал интересам наших народов.

Период, который мы переживаем, характерен быстрым развитием научно-технической революции. В политическом плане все мы должны действовать более энергично, активно, чтобы не потерять время для

достижения договоренности. Уже сейчас это трудно. Но все еще можно сесть за стол, все обсудить, повернуть гонку вооружений вспять, вернуть отношения в нормальное русло. Потом это будет более трудно.

Надо прямо сказать: приемы политического прессинга, – если бы они были предприняты, – не дадут навара вашей политике. Нас не напугать, на колени не поставить. Я вас уверяю. Но разве в этом выход? Надо искать иной выход – путь к нормализации отношений. Хотел бы призвать американскую сторону глядеть вперед, извлекая уроки из прошлого и из нынешней ситуации.

БЭРД. Рады встрече с Вами. Разрешите мне передать Вам письмо Президента США и его наилучшие пожелания.

ГОРБАЧЕВ. Благодарю за лучшие пожелания, за письмо, которое я внимательно прочту. (*Знакомится с письмом, в котором содержатся пожелания продолжить диалог, обмен мнениями, ввести отношения в нормальное русло и просьба принять Р. Бэрда.*) Хорошее письмо. Если на следующей стадии мы углубим диалог, обеспечим более глубокое понимание точек зрения друг друга, это будет сдвигом. Надеюсь, что на встрече в Женеве удастся повести дело в конструктивном русле. Очень важно, чтобы из этих первых соображений выросла практическая политика. А тут есть трудности. Надо научиться и на этой стадии строить отношения так, чтобы они способствовали улучшению общего климата.

БЭРД. Президент откровенен и серьезен. Он был бы рад услышать Вашу оценку, Ваше мнение о том, что мы нуждаемся в диалоге. Мы должны дискутировать и достигать целей. Президент просил передать Вам свое уважение, наилучшие пожелания. Он с интересом ожидает встречи.

ГОРБАЧЕВ. Благодарю Президента. Надо использовать открывшуюся возможность встречи в верхах, чтобы сделать реальные шаги по улучшению наших отношений, чтобы встреча принесла удовлетворение не только нашим народам, но и народам других стран.

Одна из причин, почему я так основательно остановился на проблемах наших отношений, в том, что встречу надо защищать. Многие ведь выступают

против нее, хотя это и безответственно. Существуют разные группы вашей общественности, есть Конгресс. Но все должны понять – нельзя жить в таких условиях, в каких мы живем сейчас. «Ястребов» надо утихомирить, ведь они исходят из узких интересов, а не из интересов народов.

Наша общая обязанность – так готовить встречу, чтобы сдвинуть отношения к лучшему. И надеемся при этом на мудрость Президента Рональда Рейгана.

БЭРД. Сенат хочет внести свой вклад в развитие наших отношений. У нас в делегации представлены обе партии.

ГОРБАЧЕВ. Я знаю это.

БЭРД. Сейчас я зачитаю свое заявление, затем другие – свои.

ГОРБАЧЕВ. Хотя не все убеждены, что в СССР есть демократия, она есть. Наша, советская, но есть – есть и здесь. Поэтому – готовы слушать.

БЭРД. Я хотел бы больше повидать в Советском Союзе.

ГОРБАЧЕВ. Передайте всем членам Конгресса: приехать могут все, кто хочет.

БЭРД. У вас принимают гостеприимно. Я был в СССР дважды. В марте 1979 года был у Брежнева, беседовал с ним об ОСВ-2.

Мы рассчитываем на честный разговор, на нахождение пути к будущему. Наша цель – способствовать диалогу, продвинуть поиск ответов на вопросы, которые стоят перед нашими странами. Будем стараться улучшить атмосферу.

Цель всех американцев – жить в мире. Интересы всех наций должны соблюдаться. Мы можем конfrонтировать на философском и политическом уровнях, но не на уровне гонки вооружений. Агрессивные действия могут угрожать существованию обеих стран. Они не должны иметь места.

Перед нами открывается историческая возможность развернуть процесс переговоров. Женевская встреча на высшем уровне создаст рамки для прогресса. А сейчас надо использовать эту возможность. Как Вы сказали, нам сейчас надо делать все что можно, чтобы оказать позитивное влияние на

подготовку встречи и ее ход. Сосуществование, сотрудничество – требование времени. Существующее оружие напоминает об этом. Мы можем сосуществовать и сотрудничать.

Вы знаете, что я критиковал СССР так же, как и Президент Р. Рейган, тогда, когда мы считали, что ваши действия мешают нашим отношениям.

Я предложил создать группу из 12 сенаторов для наблюдения за переговорами. Некоторые из них находятся здесь. Задача группы – осуществлять контроль, давать оценку ходу переговоров, сообщить Президенту и Конгрессу наш анализ. Будем советовать, исходя из того, соответствуют ли переговоры нашим национальным интересам или нет.

Р. Рейган готов на равноправные соглашения, он поддерживает идею соглашений между нашими странами. Такие соглашения будут вкладом в безопасность двух наших стран и всего мира. Но, чтобы начать процесс соглашений на нынешних переговорах в Женеве, надо выдвигать конкретные предложения. Мы внесли свои предложения – это наши общие, двухпартийные предложения.

Вы предложили сократить 25 процентов носителей и боеголовок. Но на переговорах в Женеве это не было повторено. К тому же не ясно, сколько боеголовок будет на каждой из сокращаемых ракет? Неясность по этому поводу надо снять. Надо поручить талантливым людям изучить – по каким вопросам наши интересы совпадают. Уверен, что такие вопросы есть. Но на встречу надо идти с конкретными предложениями и шагами. Взаимность – ключ к успеху встречи переговоров в Женеве.

Другой вопрос – о контроле. То, что говорит Президент по этому поводу, отражает чувства нашего народа. Чувства граждан – основа нашей позиции по ОСВ и ПРО. Контроль нужен не только с применением национальных средств. Нужен и контроль на месте. Может быть, это – самый критический вопрос в наших дискуссиях.

После подписания Договора об ОСВ-2 я решил: буду голосовать за его ратификацию, поскольку он отвечает национальным интересам США. Как

руководитель сенатского большинства я работал над тем, чтобы обеспечить необходимые для ратификации две трети голосов. Думал, что возможность достичь успеха есть. Был тогда у Л.И. Брежнева, у А.А. Громыко и говорил: надо снизить уровень риторики, прекратить взаимные угрозы и т. д. Сенат устраниТЬ нельзя, но, чтобы он проголосовал за ратификацию, нужно снизить тон. Но вступление ваших войск в Афганистан в декабре 1979 года произвело отрицательное воздействие на общественное мнение и на сенаторов. Мы установили связь между событиями в Афганистане и ратификацией Договора об ОСВ-2. Пришли к выводу: двух третей голосов не наберем. Я сказал об этом Дж. Картеру и посоветовал не вносить Договор на ратификацию в Сенате, хотя, повторю, и считал, что этот документ отвечает интересам национальной безопасности Америки.

Президент Р. Рейган решил не подрывать Договор об ОСВ-2. Он сделал это при поддержке Сената. Будем соблюдать этот Договор, если СССР будет поступать так же.

Мы придаем значение интерпретации наших имеющихся соглашений, соблюдению Основ отношений от 29 мая 1972 года. Признаем, что односторонние решения за счет другой стороны не отвечают взаимовыгодным отношениям. Наш народ знает, что Сенату предстоит решать вопрос о ратификации будущих соглашений, знает, что без установления контроля новые соглашения не будут ни подписаны, ни ратифицированы.

Мы за соблюдение соглашения по ПРО, но считаем, что ваши Красноярские установки создают препятствия для его соблюдения. Это препятствие надо преодолеть.

Но прежде всего – успех на переговорах в Женеве. Мы здесь не уполномочены вести переговоры. Надеемся, что СССР сделает конкретные предложения, в том числе предоставит конкретные цифры по стратегическим вооружениям.

Проблема СОИ играет свою роль. Обе страны ведут исследования, приемлемые в рамках договора по ПРО. Мы должны вести переговоры о

ситуации, о наступательных и оборонительных системах. Все надо обсудить вместе.

Есть десятки предложений о моратории на испытания, о самих испытаниях, о ракетах в Европе. Долгосрочные цели должны включать полное запрещение испытаний ядерного оружия, обеспечение баланса стабильности в Европе. Никто не согласится на постоянное сохранение невыгодного положения. В Европе ваши ракеты ОС-20 создают дисбаланс. Отсюда, наше решение о Першингах-2 и крылатых ракетах. Серьезные идеи по этим вопросам были бы полезны в Женеве.

Просто согласившись сейчас на непроведение испытаний, мы поставили бы себя в невыгодное положение, ибо вы выполнили свою программу, а мы – нет. Ориентир – запрет испытаний на справедливой основе при выгоде обеих сторон.

Вряд ли мы все выиграем, если будем зря тратить время и ждать прихода следующей администрации. Техника развивается быстро, и действовать надо сейчас. Надо вести переговоры, пока техника еще не изменилась. Р. Рейган сказал: надо начинать серьезный разговор сегодня.

О мерах доверия. Сенаторы Нанн и Уоррен предложили набор мер, предназначенных для того, чтобы избежать случайного возникновения войны. Хороший пример в этом плане – соглашение об установлении прямой связи.

Об обычном оружии. В случае конфликта оно может играть большую роль. В рамках переговоров в Стокгольме могли бы быть выработаны практические меры для его сокращения, для устранения возможности возникновения конфликта. Об этом могли бы вестись разговоры также в Вене. Вы ведь тоже стремитесь к достижению подобных соглашений.

Но безопасность – это не только вопрос сдерживания, не только вопрос военной мощи. Это и экономический вопрос, вопрос о крепости тыла любой страны. Это затрагивает и вопросы здравоохранения, социального обеспечения и т. д. Вы, безусловно, хотите увеличить потенциал Советского Союза.

Но гонка вооружений накладывает штраф на наши народы. Ресурсы и СССР, и США огромны, но гонка вооружений мешает использовать их.

Вопрос о третьем мире. У каждой из наших стран есть там свои интересы, и обе они будут их отстаивать. Но подчас это серьезно мешает развитию наших отношений. Мы заинтересованы, например, в целостности Пакистана, поощряем его в этом плане. Я уже описал выше влияние событий в Афганистане на судьбу Договора ОСВ-2. Надеемся, что вооруженный конфликт в этой стране может скоро прекратиться.

О правах человека. Нам известны многие случаи, когда по произвольным мотивам вами не выдаются визы тем, кто хочет осуществить воссоединение семей. У нас есть список, передадим его Вам.

Что нас объединяет? 150 лет назад Алексис де Токвиль в книге «Демократия в Америке» писал о двух великих нациях, которые выросли незамеченными, но каждая из которых отмечена небесной волей, каждая влияет на судьбы мира. Речь шла об Америке, характер которой Токвиль хорошо понимал, и о России. От сотрудничества наших двух стран никто не проиграет, выиграют все.

У Вас есть историческая возможность. То, что Вам предстоит, вдохновляет. Вопросы, которые стоят перед нами, огромны. Сейчас наступило время использовать открывшуюся возможность и решить эти вопросы.

ГОРБАЧЕВ. После того, что Вы сказали, у меня остались противоречивые впечатления. Понимаю, что Вы должны были все это сказать, предъявить, так сказать, все свои претензии. Думаю, Ваши коллеги будут довольны Вашей речью. Вы предъявили нам широкий реестр политических проблем. Пусть Ваши коллеги в Вашингтоне учтут мое мнение: Вы высказались полно, основательно. Правда, говоря откровенно, особо много нового я не услышал.

С одной стороны, Конгресс за улучшение отношений между нашими странами. Это – отправная точка. И можно было бы говорить о том, что

следует сделать для этого, что могут сделать США, а что – СССР. Ведь процесс улучшения отношений имеет взаимный характер.

Но у Вас получилось так, что все, что касается Советского Союза, рисовалось черными красками, а что касается США – белыми. Очерняется вся политика СССР, обеляется вся политика США. Отсюда вывод – для улучшения отношений СССР должен изменить свою политику, даже свой строй. Требуется что-то вроде капитуляции. Но разве это – подход к улучшению отношений?

Вы по всем вопросам атаковали СССР. Даже по правам человека, хотя США, например, шесть пактов о правах человека не подписали или не ратифицировали. Когда Конгресс ратифицирует их, тогда и сможем говорить о правах человека. В канун выборов Р. Рейган говорил о том, что один пакт надо, мол, ратифицировать, видимо, для того, чтобы привлечь на свою сторону заинтересованных избирателей. А потом забыл и про него. У меня возникает вопрос: как можно обсуждать вопрос о правах человека с таким государством?

Во-вторых, мы не считаем, что ваше понимание прав человека универсально. Говоря с нами, Вы ссылаетесь на Хельсинки. Но Хельсинки исключает вмешательство во внутренние дела государств. В-третьих, у США немало нерешенных проблем в этой области. В-четвертых, почему Вы подходите к вопросу избирательно? В социалистических странах все плохо. А в Южной Африке? Но у вас с ней развиваются конструктивные отношения. Чили, далее, вас, видимо, не беспокоит. Интересный, очень интересный подход!

Мы у себя создали парламентскую группу в Верховном Совете. Здесь сидит заместитель ее председателя – Загладин. Вот с ними и обсуждайте эти вопросы. Вы же хотите эту тему эксплуатировать для очернения СССР. Это попытка с негодными средствами, как выражаются юристы.

Итак, всё противоречиво. С одной стороны – приглашение к диалогу, с другой – обвинения одностороннего характера в адрес СССР. Видимо,

забывают, с кем имеют дело. Я напоминаю – с Советским Союзом. Это – первое замечание.

Теперь кратко прореагирую на Ваши соображения по конкретным проблемам.

Первое – о диалоге. Он необходим. Мне импонирует и замечание о необходимости создавать атмосферу для нормальных переговоров. Мы не могли не заметить, что в последнее время у вас предпринимались попытки взвинтить ситуацию до большой остроты, ухудшить атмосферу. Иногда представители США говорят: это обычное явление в условиях нашей демократии. Каждый, мол, говорит то, что считает нужным. Но, как мы понимаем, демократия – это не свобода от ответственности, особенно если речь идет о Конгрессе или Белом доме, если речь идет об отношениях с другими государствами. Иногда политические деятели у вас так лиховитийствуют, что уму непостижимо. Печать – другое дело, пусть пишут как хотят.

Но ответственные лица, лидеры должны руководствоваться государственной мудростью, учитывать значение своих заявлений. У нас с вами есть различия в позициях, это известно. Есть полемика – нормально. Но должна идти и реальная политика.

Я хотел бы ошибиться, но мне представляется, что на политической арене США процветают те, кто проповедует открытий антисоветизм.

Вы правильно понимаете суть момента: существует историческая возможность (я имею в виду переговоры в Женеве и, конечно, предстоящую встречу в верхах) и надо ее использовать, а для этого сегодня серьезно работать, ориентируясь на конкретные результаты.

Если американская сторона будет готова обсудить вопрос о немилитаризации Космоса, она услышит от нас самые радикальные предложения по стратегическому оружию, да и по Космосу. Сегодня, пока, говорят о том, какое оружие можно будет разместить в Космосе. Это не тот подход, о котором мы условливались. Мы готовы продумать все относящиеся

к космической проблеме вопросы. У нас есть предложения на этот счет. И после вашего согласия на немилитаризацию Космоса вы бы услышали их на следующий же день.

Вопросы контроля. **Мы тоже заинтересованы в эффективном контроле, хотя постановка вопроса о контроле без уточнения того, что надо контролировать, – это все равно, что поставить телегу впереди лошади. Мы за серьезные соглашения и серьезный контроль.** Но иногда у нас складывается впечатление, что вопрос о контроле поднимается для того, чтобы уйти от существа дела. Мы, повторю, за контроль, за серьезный контроль и хотим все проблемы обсудить по существу.

Хотел бы сказать о впечатлении от позиции американской стороны. Кто-то пытается, видимо, убедить Конгресс, что в Космосе есть возможность обойти русских. Но сколько было подобных попыток, – все кончились известно чем. Думают, русские испугались, вот поэтому-то они так и воюют против американских космических планов. Тут есть, наверное, слабина. Хотят извлечь максимум выгод для американской стороны. Это очень опасно, если есть иллюзии и безответственные рассуждения. Если такие рассуждения положены в основу политики, в основу подхода к переговорам.

В интервью «Тайм» я попытался сказать, как мы смотрим на исследовательские работы в Космосе. Сейчас у вас спекулируют на такой теме: а как можно их проконтролировать, ведь то, что в голове у ученого, контролю не поддается. Но, я так думаю, уравнения, расчеты – это одна сторона дела. Тем более что исследования во многом работают и на мирный Космос. Это то, что мы называем фундаментальные исследования. Есть у вас такое понятие? Тут, вроде, просматривается путаница в терминологии.

Но когда речь заходит о заказах, о контрактах – тут уже все подлежит контролю и поддается контролю. И заказы, и контракты – это уже не фундаментальные исследования. Таков урок из прошлого.

Но если гонка вооружений на деле перекинется в Космос – как мы будем осуществлять контроль? Это больше всего беспокоит нас. Должно беспокоить

и вас. Поэтому те элементы американской позиции, которые касаются рассмотрения вопроса о том, какое оружие надо разместить в Космосе, для нас неприемлемы. Надо запретить любые виды космического оружия. Если мы выйдем в Космос, остановить этот виток гонки вооружений будет уже трудно. И если интерес США заключается в том, чтобы не допустить возникновения такой ситуации, то тогда в Женеве можно серьезно продвинуться.

О соблюдении ОСВ-2 и ПРО. Их значение огромно. Это – последние ограничители на пути гонки ядерного оружия. Если бы мы подняли руку на них, это было бы опасно. Если есть сомнения – есть соответствующая комиссия, через которую все можно выяснить. Но мы сторонники соблюдения этих договоров. И вы знаете, что они нами соблюдаются. И надо, чтобы любые возникающие на этот счет сомнения немедленно разрешились.

Я выслушал ваши соображения по мораторию на испытания. Но думаю, что у вас нет аргументов. Когда вы говорите другим, что вы отстали в испытаниях, может быть, вам и верят. Но, во-первых, вы провели в целом на треть больше испытаний, чем мы, в том числе и в этом году больше нас. Во-вторых, вряд ли вы лучше нас знаете о нашей программе. Вы говорите, что СССР завершил свою программу. Но это не так. Наши военные еще имеют соображения, планы. Подумайте. Если хотим разорвать порочный круг, нужно политическое решение. Ведь вопрос существенный и крупный.

Когда аргументов нет, в дело вступает пропаганда. Но на деле, если бы США заявили об аналогичных нашим позициях, это имело бы огромное значение. Во-первых, мы смогли бы продолжить работу над соглашением о запрещении испытаний и контроле за его осуществлением. Во-вторых, мораторий уже работал бы и, пока идут переговоры, поставил бы преграду для качественного совершенствования оружия. Ядерное оружие стареет, оно нуждается в проверках. Но это отпало бы тоже. Не было бы нового оружия, а старое уходило бы шаг за шагом. Без споров.

Отношение к мораторию – это показатель того, серьезно ли США и СССР относятся к проблеме разоружения. Кстати, в канун нашего решения мы обратились к Президенту США с предложением присоединиться к нему так, чтобы это была совместная акция.

Мы понимаем, что односторонние предложения нежизненны. Хотели бы, чтобы и вы это поняли. И делаем для себя такой вывод: если США за испытания – значит, они будут делать новые ракеты, значит, они всерьез думают о создании лазерного оружия или рентгеновского оружия с использованием ядерной накачки.

Думаю, однако, что последнее слово еще не сказано. Ждем понимания с вашей стороны. Терпения у нас хватит. Хотим, чтобы США серьезно отнеслись к нашему мораторию, к нашему обращению.

Завершил бы я следующим. Тем, что уже сказал, ознакомившись с письмом Президента Р. Рейгана. Мы за то, чтобы вывести наши отношения в конструктивное русло. Давайте так и выравнивать политику, коль есть согласие об этом с обеих сторон. Ни вы, ни мы не прокуроры и не судьи. Понимаем свою ответственность, выступаем за конкретные отношения, за необходимые компромиссы. За иные подходы, чем те, которые до сих пор характеризуют наши отношения.

Изменяться должен не только Советский Союз, хотя я и не отрицаю возможности новых шагов с нашей стороны. И США должны меняться, может быть, даже больше, чем Советский Союз.

Наше время истекает. Желаю вам всем хорошо продолжить вашу поездку. Хотелось бы надеяться, что нас ждет не самое худшее, что улучшение наших отношений возможно. У нас ведь есть огромные возможности сотрудничества. Его развитие было бы и в ваших, и в наших интересах. Речь идет и об экономической, и о научно-технической, и о культурной сферах. Надо каждому иметь в виду: каждый из наших народов имеет свой образ жизни и не надо со своим уставом совать нос в чужой монастырь. Если бы мы стали рассуждать о том, как жить американскому народу, это было бы

недоверием и неуважением к нему. Но если мы признаем права и традиции США, то вы должны признать то же самое для советского народа. У него ведь не меньшая, а большая история, чем у американского народа.

БЭРД. Мы приехали издалека, чтобы быть здесь. Вы сказали, что не увидели в моей речи много нового. Я разочарован этим. Но с Вашей стороны я слышал много чистого отрицания без аргументов.

Новое заключается в том, что Вы слышали хорошие заявления о чувствах Сената и народа США. По Конституции Сенат не ведет переговоров. Но ратификация Договоров требует голосов двух третей сенаторов. Сенат не утверждает автоматически то, что говорит Президент. В ходе дискуссий там всегда можно услышать что-то новое.

Рад тому, что Вы сказали о согласии вести дело по-новому. Мы услышали слова нового руководителя страны. Я готов был бы проехать еще большее расстояние, чтобы больше услышать. Вы сказали то, что считали нужным. Другие мои коллеги тоже хотели бы что-то сказать.

ТЭРМОНД. Поздравляю сенатора Бэрда. Мы с ним из разных партий – Демократической и Республиканской. Мы уважаем Вас и вашу страну, как одну из двух великих держав. Вы самый способный из руководителей СССР со времен Второй мировой войны. Наши руководители видят: у Вас есть новые идеи, новые взгляды на международную политику, новые надежды, новая вера в возможность улучшения отношений с США.

ГОРБАЧЕВ. Да, это так.

ТЭРМОНД. У нас есть и будут разногласия. Они могут быть разрешены, если бы разрешились проблемы Афганистана, Анголы, Эфиопии. Мы ведь вместе воевали в последней войне. Тогда и Вы, и я были молоды...

ГОРБАЧЕВ. Да, мне было тогда 13-14 лет. Страшные картины я видел. Ведь фронт у нас был подвижный – туда-сюда. Все это осталось в памяти навсегда.

ТЭРМОНД. Я участвовал в войне, участвовал во встрече с вашими солдатами в Германии. Наши страны могут обеспечить мир. Мы испытываем

к вам уважение. И не хотим менять вашу систему. Не хотим и добиваться превосходства в военной сфере.

ГОРБАЧЕВ. Это существенное заявление.

ТЭРМОНД. Встреча в верхах предоставит большую возможность. Уверен, что Вы с Президентом сможете достичь согласия по многим вопросам. Если договоритесь о сокращении вооружений, то и другие вопросы будут решены. Нам полезно встречаться. Рейган тверд, но справедлив. Он защищает Америку, хочет, чтобы она была крепкой, но не ради агрессии, а ради мира. Убежден, что он Вам понравится. У Вас с ним есть нечто общее. И думаю, мы приблизимся к миру. Рейган – человек мира. Я встречаюсь с ним дважды в неделю. Предсказываю: Вы с ним достигнете важных результатов во имя мира.

ГОРБАЧЕВ. В целом, при некоторых, быть может, замечаниях, мне импонирует дух Ваших высказываний.

ПЕЛЛ. Сначала о поездках. Сейчас уже половина Сената и треть членов Палаты депутатов побывали в СССР. Палата догоняет нас.

Ни один разумный человек не считает, что наши страны нарочно начнут войну. А.Н. Косыгин в 1968 году сказал: важно не превосходство, а достаточность вооружений. Одной десятой части того, что имеем, достаточно, чтобы уничтожить друг друга.

Р. Берд говорил, что будем конкурировать с вами. Да, но в невоенных областях. Во-первых, в осуществлении мер по охране окружающей среды. Во-вторых, в использовании средств на медицину, на оказание поддержки молодежи. В-третьих, в осуществлении иммунизации, прежде всего детей, от опасных болезней. В-четвертых, в искусстве – ждем приезда Большого театра. Я ухожу отсюда с чувством уважения к Вам.

ГОРБАЧЕВ. Буквально два слова. Я разделяю в целом Ваши соображения. Мы не можем допустить мысли о начале ядерной войны. Это было бы безумие. Когда слышишь голоса, утверждающие, что есть вещи поважнее, чем мир, хочется спросить себя: а все ли нормально в голове у этих

людей? Сперва – мир, сперва – жить, а уж потом все остальное.

Американский народ может исходить из того, что СССР не начнет войну.

НАНН. Я благодарен Вам за гостеприимство. С интересом выслушал Ваши взгляды. Надо сделать все, чтобы избежать войны. Мы с сенатором Дж. Уорнером подготовили предложения для администрации. На встрече в верхах Вы их обсудите с Президентом. Возможно, вы с ними согласитесь.

ГОРБАЧЕВ. Самое главное для уменьшения риска возможного конфликта, который мог бы иметь огромные негативные последствия, – это остановить гонку вооружений, уменьшить противостояние. Надо думать о том, как действовать, искать варианты и использовать все предложения, заслуживающие внимания.

НАНН. Наши предложения – не замена, а дополнение к имеющимся идеям. Администрация Р. Рейгана согласилась с нашими предложениями. Сенат высказался в пользу них: 82 «за», «против» ноль.

УОРНЕР. Наши предложения – итог трехлетней работы лучших умов. Одна наша идея реализована – о предотвращении инцидентов на море, и соглашение действует хорошо. Работали мы с вашим адмиралом Горшковым, спокойно, без риторики. Я просил Р. Рейгана о том, чтобы работа такого рода, наши встречи продолжались.

ГОРБАЧЕВ. Спасибо всем вам. Я считаю, что у нас состоялась полезная дискуссия.